

Поэтому каждая женщина из рода Шангуань, приходящая служить во дворец, полагается лишь на собственную красоту и ум, а каждый мужчина, поступающий на государственную службу, — на свои таланты и умение строить политические стратегии. Они никогда не опирались на покровительство предков или особые милости. Семейные заветы и правила в сочетании с природными дарованиями и упорным трудом сформировали в людях клана Шангуань честолюбивый и бескомпромиссный характер. Именно это позволило большинству из них подняться над другими и занять высокие посты. Не верите — спросите у вана Нина: разве среди мужчин клана Шангуань, занимающих должности, есть хоть кто-то, кто живет за счет женщин или получил свое место незаслуженно? Можете также уточнить у благородной супруги Шу: жизнь при дворе полна опасностей, разве хоть раз императрица упоминала перед кем-то о заслугах своих предков? Если назовете хотя бы один такой случай, я признаю свое поражение и сделаю для вас что угодно.

— Кое-что об этом я слышала, — отозвалась Цюй Линлун. — В клане Шангуань с детства учат детей волчьей хватке, волчьим амбициям и волчьей жестокости. Они полагаются только на себя. Возможно, именно эта глубоко укоренившаяся в крови волчья натура и заставляет их стремиться вверх, к вершинам власти.

— Это... я всего этого не знал, — Сяо Сяюань надел перстень на палец, его лицо стало серьезным.

— Уважай противника, изучай его, и тогда ты сможешь стать непобедимым. Если же судить о вещах лишь по личным предпочтениям и действовать импульсивно, проиграешь только ты сам.

— Благодарю за урок! — на лице Сяо Сяюаня промелькнуло разочарование. — Мой отец никогда не рассказывал мне о подобном. Стоило мне спросить, как он отделывался парой слов и велел не лезть не в свое дело, словно мне достаточно быть просто богатым молодым господином, который только и знает, что пировать да развлекаться.

— Ван Нин жалеет тебя, он не хочет, чтобы ты видел жестокую сторону этого мира.

Гу Чанфэн вставил:

— Люди вообще такие, им вечно всего мало! У кого есть родительская любовь, те жалуются, что их опекают слишком сильно; у кого нет — мечтают о ней. Небу тоже непросто угодить, всё не так и всё не эдак.

— Родители не всегда любят детей, но старшая сестра всегда любит младшего брата, — рассмеялась Цюй Линлун. — Мне не нужны родители, я хочу сестру.

— А ну, быстро за работу! Если будете и дальше стоять здесь и болтать, не обещаю, что вас кто-то полюбит, но обещаю, что вам будет больно — очень больно, — глаза Мо Дая сузились в щелочки, полные угрозы. — И будьте добры, по пути распространите весть о том, что на меня и Третьего молодого господина Се было совершено нападение. Скажите, что я при смерти, а Третий молодой господин Се тяжело ранен и вряд ли сможет выйти из дома.

— Хотя я не знаю, что ты задумал, я все исполню, — ответила Цюй Линлун и, ухватив Сяо Сыюаня, радостно потащила его прочь.

Мо Дай под благовидным предлогом отослал Е Юэцзя, а затем передал письмо Се Цинъюню:

— Немедленно передай это Второму молодому господину. Обязательно скажи ему быть начеку. Это происшествие — вовсе не простая распря в мире боевых искусств, здесь определенно замешан Сяо Яо. Он наверняка давно понял, что война между Миром Демонов и миром людей неизбежна, поэтому решил действовать на опережение. Он хочет обвинить Мир Демонов в нарушении мирного договора, чтобы получить законное право просить помощи у Мира Бессмертных и мастеров боевых искусств для подавления демонов.

Се Цинъюнь вздохнул:

— Мой второй брат снова не сможет уснуть.

— Пока все не закончится, никто не сможет уснуть, — Мо Дай развязал Узел Персикового Цветка и повязал его на запястье Се Цинъюня, а затем достал два сигнальных огня, подаренных Гань Вэй, и положил их в его мешочек для благовоний. — Еще долгое время ты будешь находиться во тьме и опасности. Береги себя! Эти сигнальные огни могут спасти тебе жизнь, но они же — огромная неприятность, не используй их, если не будет крайней необходимости.

— Узел Персикового Цветка дал тебе господин Мэй, он нужнее тебе, чем мне. И сигнальные огни мне не понадобятся, оставь их себе.

— Хватит болтать! У меня есть Фаньтуань, он меня защитит, — Мо Дай немного помолчал и добавил: — В ближайшее время не действуй в одиночку, будь неотступно рядом с людьми из Секты Владыки Ветра, лучше всего — держись возле Цзи Аньжана. Пока он тебя охраняет, убийцы не осмелятся вести себя слишком нагло.

Се Цинъюнь посмотрел на него, его глаза увлажнились, и он широким шагом направился прочь.

Когда он удалился, Мо Дай выхватил Ханьшуан, срезал торчащую ветку и убрал клинок в ножны:

— Чанфэн, ты знаешь, кто был главарем в ту ночь?

— Я как раз хотел спросить тебя об этом, господин. Его техника использования Огня Цветов Груши и Вяза была слишком безупречной! Это определенно не простой человек!

— Прошло больше десяти лет... — Мо Дай смотрел в чистое небо, в его глазах бушевала буря. — Когда я вернулся в мир боевых искусств, у меня было лишь две цели. Первая — увидеть тебя и узнать, как дела у Цю Мань и остальных. Вторая — найти правду, смыть позор с клана Му и

отомстить за Девятого господина. Кто бы мог подумать, что я дойду до такого, да еще и встречу старого врага. Если бы не он тогда, разве погибло бы столько людей?

— Ты хочешь сказать... Гора Павшего Феникса? — поразился Гу Чанфэн. — Неужели это он? Он что, не умер?

— Хорошо, что не умер, — прошипел Мо Дай. — Если бы он погиб, с кого бы я тогда взыскал старые долги!

— Но мы не знаем, как он выглядит сейчас, как нам его найти?

— Рыбак не ныряет на дно, чтобы искать рыбу, он просто разбрасывает прикормку, — на губах Мо Дая появилась злобешая улыбка. — Передай Цю Мань и Цзинь Сэ, пусть девушки пустят слух, будто свиток, который Тринадцатый господин передал Ши Чжунтану перед смертью, был Стратегией Магнолии, и Ши Чжунтана убили лишь за то, что он владел этим сокровищем. Сейчас в цветочных домах полно мастеров боевых искусств, и то, что девушки подслушивают сплетни и рассказывают их гостям ради забавы — совершенно обычное дело, верно? Разошлите весть и среди призраков. Как только он проявит себя, немедленно сообщи мне. Кроме того, разбуди шпионов, которых ты расставил за эти годы, пришло их время. Отправь их в город Нихуан и другие важные города — пусть распространяют слухи, что Сяо Яо собирается начать войну с Миром Демонов и принудительно обложить знать военным налогом. Не стоит говорить об этом слишком прямо, достаточно вызвать недовольство среди аристократии. Война их не волнует, как и жизни простых людей, но если кто-то посягнет на их кошельки — это все равно что осквернить их родовые могилы. Как только они начнут чинить препятствия и не поддержат начало войны, двор не сможет собрать средства, и Сяо Яо не удастся напасть на Мир Демонов. Тогда Се Цинхань сможет действовать по плану. Как только эта новость разойдется, благородная супруга Шу сразу поймет, что ей делать. Хотя она и женщина-генерал, она меньше всех хочет войны, ибо знает, как она жестока.

— Я сейчас же займусь этим. Господин, не беспокойтесь, они унаследовали верность своих предшественников, они так же преданны и полны решимости!

— Я верю! — Мо Дай выглядел подавленным. — Ты столько лет терпел унижения ради меня, тщательно выстраивал планы, а они отдавали за меня жизни. Поблаговари их от моего имени! Когда придет время, я предстану перед ними в своем истинном облике. Не пытайся меня переубедить, я не хочу, чтобы все повторилось... Это сожаление, которое я не смогу искупить всю оставшуюся жизнь... — Он не хотел больше говорить и слегка махнул рукой. Гу Чанфэн быстро удалился.

Солнце жгло глаза, тени деревьев колыхались. Мо Дай присел, прислонившись к сливовому дереву, его глаза покраснели. Он уткнулся лицом в мягкую шерсть Фаньтуаня и долго оставался неподвижным. Фаньтуань послушно лежал у него на коленях, не издавая ни звука.

Когда Цюй Линлун и Сяо Сююань вернулись, уже стемнело.

Как и сказал Мо Дай, кровь на ране Ши Чжунтана не была темно-красной, она была разбавлена водой, а на краях проколотой одежды виднелись следы влаги. Получив доказательства, Сяо Сюань отправил людей пригласить мастера Кунгу и глав других сект, а сам начал повсюду кричать, что ставки на поединок Ши Чжунтана вот-вот закроются. Когда все собрались, он объяснил причину, а затем провел эксперимент с помощью Шуаньюэ, позволив каждому лично убедиться в том, что рана выглядит именно так, как он описывал. Затем он рассказал о покушении на Се Цинъюня, подчеркнув, что нападавшие действовали жестоко, явно желая заставить его замолчать навсегда. В ходе обсуждения он задал провокаторам те же вопросы, которыми Мо Дай прижал к стенке человека в маске, и те не смогли ответить ни слова. После всего этого подозрения в убийстве с Се Цинъюня были наполовину сняты.

До самого конца Сяо Сюань не упоминал ни Тринадцатого господина, ни Огонь Цветов Груши и Вяза, ни Мир Демонов. Се Цинъюнь поблагодарил его и Цюй Линлун за помощь, на что тот смущенно ответил: «Теперь мы в расчете». Цюй Линлун же добавила, что в следующий раз, когда он будет в Мире Демонов, пусть познакомит ее с парой симпатичных и обходительных парней.

Гу Чанфэн как раз собирался распорядиться насчет праздничного ужина, как прибыли люди из особняка вана Нина с письмом от самого князя: он и княгиня просили юного господина немедленно вернуться домой. Сяо Сюань, вздохнув, был вынужден подчиниться.

Мо Дай отпустил всех и передал Сяо Сюаню маленькую шкатулку. Внутри лежал перстень Шангуань Ли и два маленьких флакона из белого нефрита: на одном была нарисована красная слива, цветущая на морозе, на другом — лишь густой черный мазок. В потайном отделении шкатулки лежали маска из человеческой кожи, сборник техник внутренней силы и свиток с описанием фехтовальных приемов. Потайное отделение было сделано так искусно, что обнаружить его мог только мастер механизмов.

— Отдай это молодому господину Шангуаню, это моя доля выигрыша для него. И скажи ему, что он все еще должен мне ужин, пусть не забывает вернуть долг.

Сяо Сюань потряс шкатулку и с прищуром спросил:

— Я помогаю тебе передать вещи, и это бесплатно?

Мо Дай протянул ему короткий меч:

— Эти парные мечи Бияо и Чуньхуэй, хоть и не являются величайшим духовным артефактом, входят в число лучших среди коротких клинков. Они компактны, удобны, а остротой не уступают Линси, так что это тоже сокровище.

— Благодарю. Есть еще что-нибудь, что хочешь мне сказать?

— Люди в мире боевых искусств предпочитают длинные мечи, короткие используют немногие. Но если говорить о победе над сильным противником, то у короткого меча есть преимущество: его можно спрятать, чтобы нанести удар неожиданно. Твое мастерство невелико, и в честном бою шансов у тебя мало. Чтобы выжить, тебе придется полагаться на хитрость и удары

исподтишка. В такие моменты... короткий меч выходит на сцену, — Мо Дай оскалился, его плечи задрожали, издавая жуткий смешок. — Будет свободное время — капни на лезвие яду, на всякий случай. В момент жизни и смерти, если это поможет выжить, любая подлость — это отличный ход, и неважно, что скажут другие. Что касается правил мира боевых искусств, о них можешь вообще не думать, ведь ты не его часть. Запомни: чтобы эффект от внезапного нападения был максимальным, во-первых, нужно выбрать правильный момент для решительного удара, а во-вторых, никто не должен знать, что у тебя спрятан меч. Понял?

— Понял. Если другие узнают, что у меня есть короткий меч, они будут настороже, и я не смогу себя защитить.

— Схватываешь на лету, недаром ты юный князь из особняка вана Нина. Восхищен, искренне восхищен!

— Послушай, ты можешь хоть раз быть серьезным? В таком виде ты совсем не похож на героя, вылитый злодей! — Сяо Сьюань ворчал, но при этом весело смеялся. — Не волнуйся, я буду беречь этот меч как свою тайну, даже матери не покажу. Есть еще что-нибудь?

— Больше ничего. Я верю, что ты понимаешь, что к чему, и знаешь, о чем стоит молчать.

— Я понимаю. Вещи Шангуань Ли я передам ему лично, когда никого не будет рядом, и передам ему все твои слова слово в слово. Хотя я не люблю людей из клана Шангуань, к Шангуань Ли я отношусь неплохо. Поэтому, когда он внезапно пригласил меня в город Фэнью посмотреть на шоу и предложил сыграть по-крупному, я не отказался.

— Он внезапно пригласил тебя в Фэнью? — Мо Дай немного подумал и улыбнулся: — Передай ему от меня спасибо. Если еще увидимся, я угощу его вином, которое не ударит в голову.

— Тебе определенно стоит его поблагодарить за то, что он проиграл тебе столько денег. А как насчет меня? Ты меня не угостишь?

— Угощу, конечно. Но правила те же: я приглашаю, ты платишь.

— С чего это? Почему я должен платить, если приглашаешь ты? Тогда уж лучше я сам всех угощу.

— Потому что ты Сяо Сьюань, мой друг. Разве этого недостаточно?

— Хм... сойдет! — Сяо Сьюань прикусил губу, словно хотел сказать что-то еще, но в итоге лишь улыбнулся и помахал на прощание.

Раздался стук копыт. В мгновение ока сумерки и туман заполнили все вокруг, размывая границы реальности. В приглушенном свете ночи легко заблудиться, а путь впереди по-

прежнему был долгим и трудным.

На следующий день после отъезда Сяо Сыюаня прилетела весточка от Сюэ Линхана. Он объяснил, что вернулся на гору Ланхуань, потому что Сюэ Линъюэ обнаружил, что вода в Пруды Очищения Сердца была кем-то осквернена, и попросил его расследовать это. Не успели они во всем разобраться, как в Восточном и Западном морях одновременно случились бедствия, вызванные демонами. Ситуация стала критической, и он по приказу отправился на восток. В письме он снова и снова просил Мо Дая беречь себя... Между строк чувствовалось, что Мэй Жань не рассказал ему о ранении Мо Дая. Мо Дай передал ответ: «Береги себя. Жду возвращения».

Тело Ши Чжунтана после многочисленных проверок, не выявивших ничего нового, было отправлено его учениками в Секту Без Тени для погребения. Кто был истинным преступником — оставалось загадкой, но усопший должен был обрести покой. Мастер Кунгу провел простую церемонию прощания, и на этом один из великих мастеров боевых искусств навсегда покинул сцену.

Из-за внезапной смерти спор между Лю Чэньфэном и Бай Ваньшу вышел на новый уровень — теперь они спорили не просто о победе, а о том, кто из них умрет первым. Ставки достигли безумных размеров. Люди были одержимы азартом: у кого были деньги, ставили их, у кого не было — закладывали имущество, жен, детей и собственные жизни. Фэнью стал жить этим спором.

За два часа до начала поединка перед ареной уже яблоку негде было упасть. Толпа шумела, строя прогнозы. Несмотря на нетерпение людей, мастер Кунгу сидел в медитации в келье, не обращая внимания на шум.

Раздался удар гонга, участники вышли на арену. Люди Сюэ Линхана не появились — поговаривали, что Мо Дай и Се Цинъюнь были тяжело ранены и находятся при смерти. Услышав это, люди переглядывались с неоднозначными лицами.

Бай Ваньшу выглядела немногим старше тридцати, словно молодая жена, хотя на самом деле она овдовела еще в те времена, когда Ся Тянь был молод. Она носила простое черное платье с узором из белых облаков на рукавах, без украшений, лишь высокая прическа, закрепленная нефритовой шпилькой.

Лю Чэньфэн поклонился ей как младший, Бай Ваньшу кивнула в ответ.

В фехтовании Лю Чэньфэн имел явное преимущество. Благодаря легкости, глубокой внутренней силе и острому уму победить его было непросто. Бай Ваньшу, зная о своем отставании, решила использовать уникальную технику передвижения и яды.

Все знали: от меча увернуться легче, чем от скрытого оружия. Но яды были куда опаснее — некоторые из них не имели ни цвета, ни запаха и действовали мгновенно.

С самого начала поединка Бай Ваньшу при каждом сближении незаметно распыляла на одежду Лю Чэньфэна бесцветный порошок. Лю Чэньфэн ничего не замечал, продолжая бой.

После сотни разменов Бай Ваньшу отступила:

— Глава Лю, вы не чувствуете недомогания?

Лю Чэньфэн убрал меч:

— Нет. Что вы имеете в виду?

— Вы отравлены моим ядом, не стоит упорствовать.

— Благодарю за заботу, но я чувствую себя прекрасно.

Бай Ваньшу применила технику Ветер, вздымающий тысячи волн, ее ладони окутал белый туман. Под прикрытием тумана она выпустила в сторону Лю Чэньфэна облако мельчайших частиц. Тот отступил, прикрыв лицо рукавом. Стоявшие рядом зрители, вдохнув туман, побледнели и начали задыхаться, но Лю Чэньфэн остался невозмутим.

Бай Ваньшу улыбнулась:

— Кажется, глава Лю был заранее готов к ядам моей Секты Бессмертного Журавля.

— Раз я знаю, что вы мастер ядов, как я мог не подготовиться? Прошу прощения! — Лю Чэньфэн изменил технику, и кончик его меча устремился прямо к межбровью Бай Ваньшу. Удар был молниеносным. Даже такая опытная мастерица едва успела увернуться. Лю Чэньфэн отвел меч, и тот задвигался с изяществом танцующей девушки. В легком сиянии клинка Бай Ваньшу вдруг увидела своего покойного мужа. Он выглядел как в молодости, полон жизни и любви. Он взял ее за руку и поклялся под звездами: «Я буду хранить наш обет, как горы хранят землю, а луна — звезды! Если нарушу — пусть покарают небеса!» Звуки флейты донеслись до нее, словно утренняя роса на струнах, словно далекий зов... Когда она пришла в себя, меч Сияющей Ночи был в ножнах, а на земле лежал отрезанный край ее рукава.

— Потрясающе! Это был прием Слыша флейту у моста Росы?

— Именно так. У вас отличный вкус, госпожа Бай!

— Дело не во вкусе, мой покойный муж проиграл именно этому приему. Но ваша техника превосходит мастерство вашего отца. Достойный наследник Поместья Знаменитого Меча! — Бай Ваньшу, которая и не стремилась к титулу лидера альянса, положила свою табличку перед

мастером Кунгу: — Мастер, я признаю поражение.

— Амиабха. Ваше сердце широко, как океан, я восхищен!

Толпа внизу взорвалась ропотом:

— Сдалась, даже не доиграв? Прямо как Цю Цзяньли!

— Неужели Лю Чэньфэн пожалел вдову?

— А ведь прошло всего сто с лишним разменов!

<http://bllate.org/book/23203/2488198>